

Павел Брычков

Холостяки

Не зря говорят: понедельник – день тяжелый. У Василия Степанова он получился совсем скверный? этот день. С утра Василий опоздал на работу. И вышел-то всего на пять минут позже обычного, а вот так все сошлось. Ночью снег большой выпал, из-за этого автобусы плохо пошли. В общем, когда он к проходным подбежал, то как раз тех пяти минут и не хватило – опоздал на пять минут. Тут его и высветили прожектористы цеховые: Клавка-контролерша и ее компания.

Клавка обрадовалась даже, когда Василия увидела. Ну, говорит, думала, уж зря простоишь. Как, говорит, Степанов, не стыдно. Молодые опаздывают, так, мол, ладно. А тебе-то! Пятнадцать лет на заводе работаешь... И понесла все такое. Напрасно Василий пытался ей говорить, что с ним это первый раз, что сын у него заболел, пока ему горло лечил, закрутился... И просит ее никуда не сообщать. Она ему, мол, кто ты такой, чтоб не сообщать. Сейчас, дескать, не то время, чтоб нарушителей покрывать. Беспольный, словом, разговор. У Клавки этот контроль в крови сидит: она и деталь не по чертежу не пропустит, она и общественный контролер, она и дефицитные товары по цеху распределяет. Боевая женщина. Современная.

Настроение она, конечно, Василию сбила. Мысли всякие стали появляться. Чего доброго, тринадцатой зарплаты могут лишить, бывает... Мастер Фомин, правда, ничего не сказал. Знает, что Степанов план и сверх плана всегда сделает.

До обеда Василий простоял за своим токарным, а из столовой с обеда возвращаясь, видит – висит на доске объявлений афишка: «Позор нарушителям трудовой дисциплины». Черной тушью. На первом месте фамилия Лешки Сазонова по кличке Дюбель, а чуть ниже – его. Лешке что – не привыкать, а Василию вдруг стало так нехорошо, что вытянул он в курилке две «беломорины», а успокоиться не мог. А тут еще Лешка пристаёт. «Цыпа, – говорит (у них в цехе почти у всех клички есть), – чего твои ясные очи затуманились? Если из-за этой афишки, то наплюй и разотри! Их бы за станок, перестали бы сочинительством заниматься, рабочий класс позорить!». Василий вдруг побледнел, послал Лешку подальше и вышел из курилки. Все подумали, что он из-за клички обиделся, он и раньше не любил когда его Цыпой называли. Может быть, потому что и правда чем-то был похож на цыпленка: шупловат, остронос, с тонкой, в пупырышках, кожей длинной шеи.

А через час случилось то, о чем Василий и предположить не мог. Рассадил он стружкой правую ладонь. Такого с ним никогда не бывало. Ведь и обороты были малые, как раз вал точил. Сунулся он эмульсию на резец поднаправить, а тут снизу стружку крутануло, и, как лезвием, всю мякоть от большого пальца до середины ладони располозовало. С окровавленной рукой побежал он в здравпункт, а потом в заводскую поликлинику. Подлatalи, дали больничный. Василий уже забыл, когда по больничному ходил – редко болел. А тут поневоле оказался дома.

Сына он застал на ногах. Тот ставил чайник на газовую плиту.

– Ты зачем встал? – обеспокоено сказал Василий.

– Папа! – обрадовался сын. – Мне уже лучше. Температура всего тридцать семь, в горле только першит. Елена Степановна была. А ты чего пришел?

– Руку вот стружкой порезал, больничный дали. Вдвоем веселее будет.

– Сильно порезал?

– Ерунда... В аптеку забежал, фурациллину тебе принес. Ты лежи, лежи, рано тебе еще ходить, давно ли тридцать девять была температура-то.

Василий приготовил желтоватый раствор, сын пополоскал горло и лег на подушку, устремив грустный взгляд в окно. Заметив этот взгляд, Василий почувствовал, как опять, в

который уж раз, будто кто сжал сердце мягкой рукой. Уже три года, как видит он часто этот взгляд и все никак не может привыкнуть, чувствуя свое бессилие чем-нибудь помочь сыну. Он сел на кровать, провел здоровой рукой по его волосам с белым, будто кто краской мазанул, клочком посредине челки, сморщился, точно собирался чихнуть и торопливо вышел на кухню. Крикнул оттуда неестественно бодрым голосом:

– Сейчас мы картошки сварганим! Жареной!.. Как это не хочу! В нашем деле главное – харч!

Но старая сумка, где они держали картошку, была пуста. Он взял авоську и сказал:

– Кончилась картошка-то, сейчас в овощной сбегаю.

– Как ты одной рукой-то?

– Справимся...

Вернувшись из магазина, Василий стал чистить картошку, но ничего не получалось: забинтованная рука не удерживала ножа. Он стал пробовать чистить левой. Вошел сын, услышав стук падавшего то и дело ножа.

– Папа, ну ты че! – укоризненно сказал он. – Давай я почищу!

– Нет уж, давай тогда в мундире сварим, – решительно возразил Василий. – Заодно подышишь паром от картошки, помню, меня бабка все время так лечила... Иди ложись, ложись!

Сын нехотя ушел в свою комнату. Василий вымыл картошку, поставил на огонь. Подошел серый пушистый кот и стал тереться о его ноги. Василий с горечью подумал: «Жить бы да жить...»

Три года назад они справили новоселье в двухкомнатной квартире, которую ждали больше восьми лет, и счастливые, сразу после новоселья приехали в деревню к тогда еще живым родителям Василия. Старики обрадовались гостям. Любили они работящую, веселую, раньше всех встававшую сноху и шустрого девятилетнего внука. Родительский дом стоял на берегу озера, выходя огородами прямо к воде, и жена Тая, встав, когда еще солнца не было, шла, как говорила, разгонять сон – купалась, заплывая на середину озера. И однажды не вернулась. Нашли ее к полудню запутавшейся в чьих-то на ночь поставленных сетях. Когда лодка с телом Таисии подошла к берегу, Василий вцепился в борта и окостенел – никак не мог разжать пальцы. Кто-то из мужиков отогнул пальцы отверткой, и в это время раздался страшный, пронзивший Василия крик, сбросивший окостенение. К лодке подбежал сын. Василий обнял его и зарыдал вместе с ним. А вечером заметил седую прядь в челке сына.

И остались они вдвоем. Вернее, втроем. В ночь перед похоронами в ногах лежавшей в гробу жены увидел вдруг под утро маленького котенка, только недавно открывшего глаза. «Бог это послал! Ведь двери закрыты... Таечка-то любила кошек», – суеверно сказала тогда мать, и Василий увез котенка с собой. Кот вырос и теперь – красавец – был их баловнем.

В дверь позвонили. Не дожидаясь приглашения, вошел сосед Силин, отодвинув Василия животом с белыми волосатым треугольником, вершиной которого была пуговица рубашки, застегнутой на уровне пупа, основанием же – резинка занесенных до прозрачности черных трикотажных брюк.

– Здорово, Василий, – пожал ему левую руку мясистой лапой. – Вижу в окно, из магазина идешь... В отгуле, что ли?

– Да нет, руку стружкой повредил, – сказал Василий и отстранился от пахнувшего на него перегара.

– А я в загуле... У тебя нет случайно? – щелкнул он себя по подбородку. – Ежели нет, одолжи пятерку.

Василий замялся. Сын отрицательно покачал головой.

– Да еще не получал...

– Ладно, ладно прибедняться! У вас всегда есть, че вам, холостякам, – траты никакой!.. А то пойдем ко мне, посидим.

Сын демонстративно закрыл дверь в комнату. Он давно не скрывал неприязни к соседу.

– Сердитый пацан у тебя... Поучил бы его... А то после поздно будет.

Василий пробормотал что-то невнятно и увлек соседа в другую комнату.

– Ты не думай. Я помню, что два червонца тебе должен. Отдам, я те когда не отдавал?

Василий не ответил. Лучше бы, конечно, не давать денег, но он уже чувствовал, что ему не устоять, и решил отделаться от соседа побыстрее. Просьбам Василий отказывать не умел. Сосед его пил часто и так же часто брал займы. Деньги возвращала жена – тихая, безмолвная женщина, казавшаяся много старше своих лет. Иногда Василий видел и ее выпившей. Силин работал когда-то шофером, попал в аварию, долго лежал в больнице, а потом устроился в соседний детский комбинат сторожем. Но часто, особенно в выходные дни, когда он напивался с собутыльниками, вместо него сторожила жена.

– Что-то ты часто пьешь, – укоризненно сказал Василий, – и охота тебе в очередях за ней стоять!

– Эх, Вася, что мне очереди! Вот у тебя сын... А у нас... – махнул он рукой. – Что делать остается? Пей-гуляй, тоску разбавляй!.. Веришь, нет, Вась, иной раз задумаешься, внутрь себя глянешь – пусто! И страшно делается... Жизнь проходит, легко ли ее пустоцветом кончить... Лежишь иной раз по трезвянке ночью, представишь, что тебя совсем-совсем не будет, и так страшно делается – мороз по спине... Ну, давай пятак, давай, – подмигнул Силин и неожиданно сильно хлопнул Василия по плечу. – Счастливый ты человек, Вася, я таких бы только в общество трезвости принимал, а то вон начальство навступало, а газуют иные не хуже меня...

Василий вдруг побледнел. Губы его задрожали, он сунул соседу деньги и прерывисто заговорил:

– Да, я счастливый... счастливый... Ты... Ты... – запнулся он, страдальчески морщась и кончил криком: – Не заходи ко мне больше, не заходи!

Сосед попятился.

– Да я отдам... Что ты, Вась?.. Отдам я те деньги, отдам...

Выбежал из своей комнаты сын и сердито проговорил:

– Уходи, дядя Гена!

Силин, сжав в кулаке пятерку, вышел. Тронув Василия за рукав, сын спросил:

– Что он, пап?

– Ничего, сынок, ничего... – обнял его голову Василий здоровой рукой и прижал к плечу.

Успокаиваясь, Василий подошел к окну. С крыши соседнего пятиэтажного дома скатывался развернутой марлей снег, подхваченный ветром, взмывал вверх крутой волной и тут же рассыпался, оседая серебристым иглистым прахом.

– Пап, сходим, в кино? – подошел к нему сын.

– Сходим, сходим, – обрадовался Василий, – как поправишься, так и сходим.

– Да я уже не болею!

– Полежи еще денек-другой, полежи! – сказал Василий. Попробовал вспомнить, когда был в последний раз в кино, и не смог. Ну он-то ладно! А сын, слава Богу, вроде, бывает с ребятами из хоккейной секции.

Через день, сходяв на перевязку, Василий поехал с сыном на дневной сеанс в ближайший ДК. Своего кинотеатра в их микрорайоне еще не построили. В автобусе, хоть и было тесно, но – не утро. Василий прокомпостировал талончики и встал на задней площадке рядом с сыном, юркнувшим за поручни в самый угол у дверей.

На одной из остановок в дверь втиснулся подвыпивший широкоплечий парень, из тех, кого в народе величают мордоворотами. Дверь защемила ему локоть, он выдернул его и, громко выругавшись, закричал:

– Водило, мать твою, ослеп, падла!
– Не в сарае ведь, язык-то придержал бы! – возмутилась стоявшая рядом женщина.
– Да пошла ты... Развелось грамотных!..
– Ну вообще обнаглели! А мужчины стоят, слушают! – вступила в разговор другая женщина.

У Василия сильно заколотилось сердце. Упрек он принял в свой адрес. От чужой ругани ему становилось всегда стыдно, будто он в чем-то виноват. Но он как-то пасовал перед неприкрытой наглостью и, если его задирали, по возможности не ввязывался. И сейчас он отвернулся было к заднему стеклу, но тут поймал на себе испуганно-внимательный взгляд сына. Повернулся и прерывистым от волнения голосом сказал продолжавшему кричать мордовороту:

– Не шуми, не понятно, что ли!

– Ты это мне!? – ткнул себя пальцем в грудь верзила. – А ну выйдем, мозгляк!

В голову Василия кинулся туман, мелькнула мысль о порезанной руке, но отступить он не мог и пробормотал тихо:

– Выйдем, выйдем...

Неожиданно из середины салона протиснулись к дверям два молодых парня в спортивных шапочках и оттеснили напивавшего на Василия верзила.

– Чего развыступался? Сейчас выйдем, успокойся!

Верзила на миг как бы задумался, потом миролюбиво сказал:

– Руку мне, парни, дверью защемило. А он на меня же и тянет. В натуре! – кивнул он на Василия.

– Вот и стой, не бухти!

Василий обрадовался неожиданной помощи и с благодарностью посмотрел на парней, хотя и знал, что этот случай надолго испортил ему настроение.

Поэтому до половины сеанса он смотрел на экран, не понимая и не вникая, что там происходит. И только когда сын что-то спросил его, Василий будто очнулся и увидел на экране молодого парня с красивой девушкой в ресторане. Они, многозначительно улыбаясь, разговаривали друг с другом. Ходившая меж столиков певица приятным голосом пела о какой-то неведомой красивой жизни. Василий вспомнил, как он в молодости мечтал о такой красивой жизни, но потом понял, что все это ложь, никакой красивой жизни нет. И то, что сейчас он видел на экране, тоже ложь, поддаваться которой не надо, если хочешь жить нормальным человеком. Он удивился, что показывают такую чепуху на дневном сеансе, и стал думать о том, что вечером надо как-то, хоть одной рукой, постирать и себе и сыну рубашки...

Едва они успели вернуться, как пришла соседка-старушка Елена Степановна.

– Э-э, гдей-то гулены пропадали? Сколь раз приходила, все нету и нету, – ласково протянула она. Голова ее все время непроизвольно покачивалась. Может, поэтому она редко спускалась к подъезду, чтобы посидеть со старушками, а уж в магазин ходила и того реже. Василий с сыном покупали ей заодно и хлеб, и молоко.

– Пойдемте-ка, ребятки, ко мне, я пирожков наготовила!

Василий начал было отнекиваться, но старушка так настойчиво просила, что пришлось согласиться.

Неожиданно оказалось, что у Елены Степановны гости. На диванчике сидела незнакомая хрупкая женщина с большими грустными глазами, из кухни вышла девочка лет десяти.

– Ой, дак я забыла сказать: дочь Лидия с внучкой Танюшкой приехали. Насовсем. Теперь уж вам не надо будет из-за меня по магазинам бегать. Бросила, слава Богу, своего забулдыгу, сколь ей о том писала!..

– Мама! – укоризненно остановила ее Лидия.

– Ладно, не мамкай! Оне всё равно что родные!.. Угощай давай, супу налей, после чай с пирожками пить будем.

Лидия принесла тарелки с супом. Потом пили чай.

Елена Степановна наливала заварку в чашки, придерживая крышку чайника сухонькой рукой с тонкой глянцевой, как промасленная бумага, кожей, скрепленной каркасом проволоки-вен. Дочка Лидии к столу не подошла, как ее ни упрашивали. Лидия сидела смущенная, в облике ее была видна усталость, но не временная, а накопленная годами. И это почему-то умиляло Василия. Он вдруг поймал себя на мысли, что излишне оживлен и внимателен к Лидии, но менять своего поведения не хотел. Он пытался даже шутить, пробовал вспомнить какой-нибудь анекдот, но не смог подобрать подходящего. И только когда сын, не допив чая, ушел домой, он вдруг спохватился и тут же стал прощаться.

Сын сидел со слезами на глазах, уставившись в одну точку.

– Славка, ты че?

Сын молчал, потупив голову.

– Да брось ты... – догадался Василий и растерянно забормотал: - Мы с тобой холостяки... Завтра на хоккей пойдем... Погуляем, пока рука затягивается... Не думай... Не думай...

1990